

The background of the cover is a dramatic painting of a stormy sea. The water is rendered in dark, swirling, and turbulent shades of blue and green, with white foam from the waves. In the lower foreground, a small, crowded boat is seen struggling against the waves. The overall mood is one of intense danger and struggle.

Владимир Хмелевский

Мужик и море

16+

Владимир Хмелевский

Мужик и море

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Хмелевский В.

Мужик и море / В. Хмелевский — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В нашей стране никак не уходят из людской памяти 90-е годы прошлого столетия, но все начиналось еще в 80-х...

I

Середина 80-х... Колян обошел здание и остановился, открыв рот, перед ним, у причала, плавно покачивался океанский теплоход, на котором ему предстояло провести ближайшие полгода практики. Теплоход был огромный, не смущало даже то, что он был не белый и местами ржавый. Наконец, он нашел в себе силы сдвинуться с места и подошел к трапу. Возле трапа стоял молодой бритый мужчина с повязкой на рукаве – дежурный. Колян поздоровался и показал направление. Дежурный так долго его изучал, что Колян стал переживать, что там ошибка. Он робко спросил:

– Что-то не так?

Дежурный поднял глаза:

– Да понимаешь, у меня это тоже первый рейс. На прошлом дежурстве пришел представительный мужчина, в фуражке, и попросил позвать старшего механика, я думал начальник какой-то приехал, так и сказал. Старший механик прибежал, доложил по форме, а оказалось, что это новый моторист, теперь стармех на меня обиделся, а с меня все смеются.

– Кем ты здесь?

– Матрос второго класса, фигня, лишь бы выехать, хоть чучелом.

Теплоход должен был уходить в рейс на следующий день, Коляну показали каюту, где он может сегодня переночевать. Предоставленный сам себе, он слонялся по теплоходу думая, чем себя занять и наткнулся на группу выпивающих людей. Сидящий во главе стола мужчина кивнул Коляну, жестом приглашая присоединиться. Колян повиновался, и сев у входа, огляделся и прислушался к разговору. Рядом сидящий мужчина, с явно кавказским профилем, Зурик, громко рассуждал, об антиалкогольной кампании в стране:

– Они решили запретить принимать вино. Когда пьешь вино, с каждым стаканом, ты все больше становишься добрее, и любишь этот мир. У нас, на Кавказе, люди без вина даже разговаривать не станут.

Петрович хмыкнул:

– Так ты поэтому тут, а не там, с тобой там не разговаривают.

– Я тут, потому что я еврей, батумский.

Петрович расхохотался:

– Вот парадокс – евреев никто не любит, но все хотят ими быть, я слышал о польских евреях, немецких, а ты значит кавказский?

– Горный.

– Молодец, значит армяне у нас все – французы, грузины – итальянцы, а прибалты – немцы, – и завершил тему:

– Молодцы, сосут концы, баран ты горный...

Спортивный мужчина, сидящий напротив, предложил:

– А давайте из сока бражку сделаем?

Все согласно закивали.

Петрович, вдруг, обратил внимание на Коляна:

– Жаль, что ты поздно приехал, была для тебя работа. В прошлом рейсе Люба была поварихой...

– И, что за работа?

– Спать с ней надо было кому-то, потому что готовила плохо, как бы намекая нам...

– А теперь?

– Теперь у нас новый кок, мужик, а Люба буфетчицей будет, новый капитан с ней теперь дружит.

Старший моторист Федор вдруг недобро посмотрел на Коляна:

– А ты кем вообще сюда?

– Никем, на практику.

– Так ты еще молодой совсем. Где служил?

– Не служил еще.

Старший моторист брезгливо сплюнул.

Колян понял, что на сегодня с него достаточно новых знакомых и не прощаясь ушел к себе в каюту.

II

Колян вырос в колхозе, возле небольшого приморского города. Его отец, который занимал большой пост в деревне – был ключником, у него были ключи от всех дверей в колхозе, которые можно было открыть, хотел, чтобы сын работал в колхозном гараже механиком, на этом же настаивал и большой плакат в центре села, на котором крупно был выведен лозунг: «Живешь в селе – будь механизатором». Мать скромно отмалчивалась, ей бы хватило бы того, чтобы он был здоров и сыт. Улучив момент, когда отец уехал куда-то по делам колхоза, Колян поехал и подал документы в мореходное училище. Остаться в колхозе не хотелось совсем, поэтому за пару летних месяцев он вы зубрил наизусть весь учебник математики. Экзамен принимал инвалид в морской форме приятного песочного цвета, Колян отвечал еще до того, как преподаватель успевал задать вопрос, поэтому вопрос с поступлением был решен положительно. Когда его отец узнал об этом, то сначала очень расстроился, но потом, наверно представив его в капитанской фуражке, смирился. Колян получил вызов на учебу и поехал в город, совершенно не представляя, что его там ждет. Колян поехал на учебу на поезде, тот был забит пассажирами до отказа, люди стояли во всех проходах, на полках для вещей среди чемоданов лежали зареванные дети. Окна были заколочены наглухо, воды в туалете не было. Все это напоминало сцену эвакуации, из фильмов про революцию. Колян воспользовался общей суматохой и занял место в проходе между вагонами, там было не так жарко и, так как сцепка все время дергалась, то конкурентов на это место было немного. Он проехал так несколько часов и понял, что очень устал, «отплясывая чечетку», чтобы вагонная сцепка, не отдала ему ноги, к тому же поезд прибыл на станцию рано утром. В незнакомом городе, ночью, идти ему, было некуда, и он присел под лестницей, на вокзале, больше места нигде не было, наблюдая оттуда, как из укрытия, как по залу ожидания ходят небольшие группы молодых людей в форме, несколько похожей на морскую. Они выискивали в толпе приезжающих, таких же одиноких абитуриентов, и забирали у них деньги и продукты. Дождавшись рассвета, когда группы странно одетых людей покинули вокзал, он пошел в училище и получил направление в общежитие. Здание общежития он нашел по приметам, на высоких тополях, которые росли вокруг пятиэтажного дома, висели выцветшие под дождем и солнцем различные предметы одежды и обуви, из открытых окон слышался громкий смех и мат. Несколько домов, входящих в архитектурный ансамбль общежития мореходного училища, расположенные по периметру и соединенные высоким забором, образовывали крепостную стену, вся эта конструкция носила броское, но малопонятное название – Экипаж. Утром сонных и голодных абитуриентов пересчитали, затем выстроили на плацу, в центре этой импровизированной крепости, и сообщили, что через полчаса они едут в колхоз, помогать подшефному колхозу убирать урожай. Из колхоза, в училище, они вернулись только через два месяца, в конце октября, только тогда их переодели в форму, и стали называть курсантами. На очередном построении, их ждал еще один сюрприз, по постановлению партии и правительства вышел приказ, что в училище аннулирована военная кафедра и теперь все пойдут служить в ряды вооруженных сил. По рядам курсантов прокатился вздох разочарования, несколько человек сразу отчислились. На последней странице журнала личного состава, где кто-то стал записывать фамилии тех, кого отчислили за это время, появились новые фамилии «мертвых душ», и их там было уже намного больше чем «живых». В колхозе, к Коляну, за его крестьянский вид и происхождение, приклеилась кличка – «Мужик». За время, проведенное на уборке овощей, Колян уже все знал об курсантской жизни, но все эти знания были чисто теоретические, поэтому, когда Колян, с новыми друзьями

шел по парку, обсуждая новость, то они совсем не обратили внимания на группу молодых людей в похожей морской форме. В городе было два мореходных училища, и они враждовали, никто не помнил причины, но неприязнь была обоюдная. «Очнулись» они только тогда, когда получили «по голове» остро наточенной бляхой с брючного ремня. Дальше они действовали «по инструкции», забежали на проходную, КПП своего общежития и закричали: «Наших бьют». На крик откликнулось, на удивление много народа, полураздетые, с накрученными на руки ремнями, курсанты стали бегать по парку и с криками: «Больше трех не собираться», бить всех, кто попадался под руку. Курсанты «прогладили», как утюгом, весь парк, но обидчиков так и не нашли. Как потом Колян узнал, курсанты дрались еще и с местными, между факультетами, а их было четыре, дрались курсами и ротами, и в роте – между собой, ситуация напоминала эпоху раннего средневековья – все против всех.

III

Утром, Паша разбудил Коляна, и сдружившиеся новобранцы вместе пошли на завтрак в кают-компанию. Они вошли в просторное помещение и дружно пожелали всем приятного аппетита, подошли к небольшому, почти свободному столику. За столом, в одиночестве, сидел красавец Петрович, в новом костюме. Аккуратно подстриженные, немодные уже, бакенбарды, придавали его лицу аристократическое выражение. Петрович уже поел, но не уходил, размышляя, что ему еще съесть. Колян поздоровался с ним, протиснулся к иллюминатору, и сел возле небольшого стеклянного шкафа с фотографией крестной матери теплохода, которая разбивала бутылку шампанского об его борт – швейей-орденоносцем из далекой Сибири, рядом висел красиво оформленный, в деревянной раме, «Кодекс строителя коммунизма». Между столов порхала, очень полная пятидесятилетняя женщина, в коротком, не по возрасту, платье ядовито-лимонного цвета. Огромная грудь и пышные бедра стремились на свободу, оставалось только удивляться как легкая ткань держит их, это была буфетчица Люба. Колян выдохнул:

– И меня заставили бы с ней спать?

Петрович пробасил:

– А что делать? Хрен ровесника не ищет, в постели все равны. Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда.

Громкий, с красивым оттенком голос, заставлял слушать его, не перебивая. Люба резко развернулась на замечание и подбежала к столу, улыбаясь голливудской улыбкой:

– Какие мальчики у нас новые.

Петрович промычал:

– Так будет добавка?

Люба часто заморгала:

– Еще не все поели, ждите.

Петрович глубоко и разочарованно вздохнул. Еда была уже на столе, Колян посмотрел в стоящую перед ним большую тарелку. На ней лежала столовая ложка болгарского зеленого горошка, из банки, и небольшой аккуратный язык, по размеру и внешнему виду очень похожий на человеческий. Колян брезгливо отвернулся. Петрович перехватил его взгляд:

– Хочешь, я съем? – и не дожидаясь ответа, ловко поддел вилкой чужой деликатес. Колян позавтракал чаем и хлебом с маслом и пошел к старпому, тот, через дежурного матроса, вызвал его к себе в каюту, для знакомства. Старпом Марк Лазаревич Тишман сидел, раздраженно склонившись над бумагами, его опять не назначили капитаном, прислав, на теплоход, человека со стороны. Капитаном его не назначали потому, что он был не член партии. В партию не брали, потому, что он был еврей. В дверь громко постучали, и не дожидаясь, его ответа в каюту вошел Колян, он промычал под нос себе приветствие и плюхнулся в кресло, осматриваясь. Марк Лазаревич, отложил бумаги в сторону и внимательно осмотрев входящего, подумал: «Вот они, будущие командиры флота, колхоз на выезде». Но врожденная интеллигентность взяла верх, и он, представившись, и узнав имя вошедшего, начал рассказывать о жизни и трудовых

буднях вверенного ему коллектива. Когда он начал говорить о спортивных успехах и досуге команды, то Колян сначала начал криво улыбаться и смотреть в сторону, а услышав о трезвом образе жизни моряков, коротко, но неприлично хохотнул. Марк Лазаревич больше не смог сдерживать свои эмоции:

– Ты своим дурацким смехом, сейчас, кого-то сдал, все иди отсюда, знакомство окончено.

Колян понял, что поступил глупо, извинился, и вышел из каюты старпома. Что дальше делать он не знал, в каюте сидеть было неохота, и он пошел бесцельно слоняться по теплоходу. Колян пошел по проходу, в дверях полуоткрытой каюты стоял сонный, пожилой человек в пижаме, он выглядел довольно жалко – красное, мятое лицо и воспаленные глаза, когда Колян поравнялся с ним и дежурно поздоровался, тот, не ответил и жалобно произнес:

– Поговорите со мной.

Колян не знал кто это, но на всякий случай обошел его, и сославшись на занятость, пошел дальше, ускоряя шаг. Все были заняты какими-то своими делами, Колян, чтобы не мешать, пошел на палубу, и почти на корме нашел большое углубление по форме и размеру напоминающее небольшой бассейн. Пока он размышлял, о своем неожиданном открытии, к нему, плавной походкой, подошел благообразный мужчина лет шестидесяти. Колян повернулся к нему и восхищенно спросил:

– Как вы думаете, это бассейн? Надо, чтобы его наполнили и можно было купаться.

Мужчина внимательно посмотрел на него, и ничего не сказав, молча удалился. Через несколько минут, Коляна нашел Федор и, ехидно смеясь, сказал:

– Меня назначили твоим наставником, только не надо больше советовать капитану, что ему делать.

Теплоход отплыл ночью, сквозь сон Колян слышал какой-то шум, но впечатлений за день было так много, что он все проспал. Антипатия усилилась еще больше, Федора отругали, что он не научил Коляна бегать, по тревоге, на носовой фалинь, как того требовала инструкция. Колян не знал где это и, что надо там быть, даже если бы не спал. На очередном стихийном собрании, Федор отказался быть наставником у Коляна, и эту «почетную» обязанность передали Петровичу.

IV

На следующий день, когда все эмоции улеглись, и Колян пришел в курилку, чтобы получить наряд на работу от наставника, то застал Петровича в скверном настроении. Тот стоял, и кричал, изрыгая проклятия на бочмана, которого в курилке не было, и тряс огромными волосатыми кулачищами, жалуясь мотористам – двум одинаковым, маленьким, небритым мужчинам, похожих на гномов, которые всегда ходили вместе, те участливо кивали и поддакивали ему. Петрович, стоящий, разительно отличался от Петровича, сидящего – непропорциональная фигура, женские, полные бедра, грязный платок на голове, рубашка, завязанная узлом на огромном животе, в стоптанных сандалиях, без задников, его громкий, приятный баритон сыпался в фальцет. Накричавшись вволю, он обратил внимание на подошедшего, своего нового подчиненного:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.